

№ 17

1915

23 АПРѢЛЯ.

Цѣна отд. № 15 коп.

III-Й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

НОВЫЙ САТИРИКОН

Рис. Ре-ми.

КОРЫСТОЛЮБИЕ.

Ни за какія сокровища Голконды
Ты не купишь вдохновенія,
Жирный дядя! — Вѣдь для тебя фонды,
Биржевые фонды — высшее откровеніе!

Для тебя, кромѣ пользы, — нѣтъ въ жизни сути.
Тебѣ говорит море — о пудахъ соленой рыбы,
Пары влюбленныхъ — о дороговизнѣ ртути,
О фабрикахъ и металлахъ — горныя глыбы.

Для тебя твое брюхо — центръ вселенной,
Солнце имѣетъ честь надъ нимъ подниматься.
Звѣри, птицы, рыбы — жратвой отмѣнной
Только и мечтаютъ въ твое брюхо пробраться!

Я, чердачный поэтъ, лучше откажусь отъ міра,
Отъ стиховъ, лучше всѣ несчастья приемлю,
Чѣмъ видѣть, какъ эти тупые комья жира
Поганяютъ нашу святую землю!

Эхъ! Натопить бы изъ этихъ дядь сала,
Да сдѣлать свѣчу до небесъ высотой,
Чтобы она ночью яркимъ маякомъ сіяла
Надъ нашей мирно спящей землею.

Чтобы и ночью читали мое стихотвореніе
И въ тиши мансардъ, и въ вихрѣ шумовъ пирныхъ...
Чтобы и ночью проклинали терпѣніе
Слабыхъ душъ, — такъ долго терпѣвшихъ жирныхъ!

А. Радаковъ.

ЗАБЫТЫЕ.

Оба они вошли робкіе и растерянно посмотрѣли по сторонамъ.

— Въ чемъ дѣло? Занять я сейчасъ... Въ другое время когда...

Старикъ виновато улыбнулся и вздохнулъ. Тотъ, который былъ помоложе, пожалъ плечами и обиженно посмотрѣлъ на меня.

— Неудобно такъ, господинъ... Писали, писали... Опять же товарищи ваши... Сначала изъ-подъ пера у нихъ не выходили, а теперь вотъ оно что вышло...

— Да что же вамъ нужно?

— Написали бы, голубчикъ, — ласково попросилъ старикъ, — какъ же это живыхъ людей забывать... Грѣхъ это большой...

— Да ужъ все переписано... Смѣялись, смѣялись, да и надоѣло...

— О султанѣ вотъ пишете, — вздохнулъ другой, — а чего о немъ писать... Такъ, магометанинъ, безъ образованія и больше ничего...

— Ну, такъ вѣдь тамъ событія, все-таки... Дарданеллы...

— Ну, что Дарданеллы... Ихъ всякій отдасть сумѣетъ. Вотъ онъ, — онъ кивнулъ на старика, — на что ужъ размазня, и то бы отдалъ...

— Отдалъ бы, голубчикъ, отдалъ... Старикъ я. Въ могилку съ собой Дарданеллы не возьмешь... Присѣсть-то можно?

— Пожалуйста, пожалуйста... А вы что же? — вотъ тамъ кресло...

— Спасибо, я постою... Такъ какъ же, господинъ? Напишите? Я вотъ недавно приѣзжаю это въ Антверпенъ, да и говорю: «обѣдать, говорю, будемъ въ Парижѣ»...

— Смѣялись ужъ. Всѣ смѣялись...

— Вы конца, господинъ, не знаете... «А ночевать, говорю, будемъ въ Римѣ». Событія, значить, опережаю...

— Такъ это же не смѣшно...

— Какъ не смѣшно? Италия, можно сказать, только Бюлова еще высаживаетъ, а я ужъ ночевать... Въ первое время по такому поводу по шестьсотъ строкъ...

— А теперь скучно... Надоѣло ужъ...

— Развѣ надоѣло? Жалко... А то вотъ знаете, господинъ, приѣзжаю я недавно, вотъ, къ нему, въ армію... Побили ихъ, а я съ рѣчками, а я съ рѣчками... Я всегда такъ...

— Писали. Самъ писалъ. Читатели ужъ сердиться начали...

— Можетъ, насчетъ сынишки опять пробѣдетесь?...

— Это насчетъ кражъ-то? Всѣ писали.

— Опять, подлець, ложку укралъ... Тиснуть бы объ этомъ, пропечатать его, а то совсѣмъ забывать стали.

— Да писали объ этомъ... Ну, воръ и воръ. Это ужъ и не смѣшно...

— Можетъ, серьезное что? Династія, молъ, моя такая...

— О династіи говорили...

Онъ немного помолчалъ, посмотрѣлъ на старика и присѣлъ въ кресло.

— А старикъ вотъ рѣпу въ паркахъ съетъ. Въ Вѣнѣ. Честное слово.

— Да это уже давно.

— У меня и анекдотецъ изъ своей жизни есть, — лукаво подмигнулъ мнѣ старикъ, — я вотъ все ждалъ, когда онъ свое выскажетъ...

— А какой? — равнодушно спросилъ первый, искоса поглядывая на меня, — можетъ, расскажешь, старина?...

— Да я что... Если вотъ они захотятъ...

— Ну, говорите...

Когда старикъ кончилъ, я зѣвнулъ и посмотрѣлъ на часы.

— Это ужъ въ отрывныхъ календаряхъ есть. Старо...

— Я, между прочимъ, сухорукій, — вставилъ первый, — и папаша у меня не безъ болѣзней былъ... Освѣтить бы это надо...

— Освѣщали. Вы бы еще о своихъ занятіяхъ музыкой рассказали...

— А что ужъ, поди, писали о нихъ, — довольно ухмыляясь, спросилъ онъ, — всѣ, поди, знаютъ?

— Знаютъ... Ну, мнѣ некогда...

— Некогда господину, — шопотомъ сказалъ старикъ, — ничего тутъ не добьешься... Можетъ, стишки бы о насъ сочинили... Этакъ, что-нибудь:

Идутъ Вилли съ Францемъ,

И оба съ изьянцемъ...

— Сочиняли... Въ зубахъ навязло...

— Опять же для сцены куплеты тамъ съ танцами... Пѣть чтобы можно было.

— И куплеты были. Надоѣло...

— Что же, старина, можетъ, нѣкоторымъ о дороговизнѣ дровъ пріятнѣе писать, — обиженно усмѣхнулся первый, — кто на что...

— Да какъ же это такъ, — убито произнесъ старикъ, — живыхъ людей забываютъ... Писали-писали, смѣялись-смѣялись, а тутъ и рукой махнули... У бабенки какой ридикюль выхватятъ на улицѣ, такъ ужъ о ней чуть не сто строкъ тянутъ... И все это — въ хроникѣ происшествій... А тутъ у человѣка цѣлую крѣпость отняли и хоть бы стихъ какой выдумали, либо басню...

— Надоѣли мы съ тобой, говорятъ... Не нужны мы съ тобой... Я вотъ дневничекъ въ походной палаткѣ веду...

— Было ужъ.

— Что тамъ было?! А дневника-то никто и не видѣлъ... Онъ у меня съ собой, между прочимъ... Желаете, можетъ, оставлю...

— Да нѣтъ, что тамъ... Изречения, навѣрно?

— Афоризмы... Въ артиллеріи наизусть заучивать велѣлъ...

— Германія — на водѣ, міръ — Германія, Германія — міръ... Это?

— Тамъ и почище есть. Животики надорвешь... Многіе одобряютъ...

— Ну, оставьте. Прочту на ночь...

— Такъ ужъ вы и старика не оставьте, господинъ... Тоже, можетъ, что найдется. Глуховатъ вотъ я, къ тому же штабъ меня обманываетъ. А я все ордена раздаю. Сижу и раздаю, сижу и раздаю... Развѣ не смѣшно?

— Раньше-то смѣялись...

— Питье такое есть, Франца-Иосифа... Легко и нѣжно...

— Это ужъ для приказчиковъ... Вы въ газету сходите...

— А вотъ въ Германіи тамъ о насъ пишутъ, — укоризненно вставилъ первый, — много пишутъ.

— Смѣются?..

— Тамъ серьезно, — хмуро проворчалъ онъ, — я этого не люблю. Потомъ тоже, навѣрное, перестанутъ...

— Тамъ народъ умный, знаютъ о чемъ писать, — не смотря на меня, сказалъ старикъ, — ихъ просить не надо.

— Ну, прощайте, господа...

— Прощенья просимъ. Извините, что побеспокоили...

— Ничего, ничего, пожалуйста...

Когда они вышли, я услышалъ, что въ передней они о чемъ-то горячо и долго шепчутся.

— Вы что? — спросилъ я, подходя къ двери...

— Можетъ, объ этомъ, господинъ, напишете?

— О чемъ?

— Да вотъ о томъ, что были мы у васъ...

— Хорошо, хорошо... Напишу.

— Не забудьте только... Пойдемъ, старикъ... Общались — значитъ, напишетъ...

— Тоже шлятся, клянчатъ... Напишешь, а потомъ выйдетъ, что насмѣшить будто кого-нибудь хотѣлъ вами...

Арк. Буховъ.

У Ч Е Н И Ц А.

Ученица-малютка въ окнѣ мастерской
Смотритъ во дворъ, гдѣ рѣзвятся дѣти.
Очень ей хочется быть такой,
Какъ они, и побѣгать въ солнечномъ свѣтѣ.

Дѣти играютъ въ «черное-бѣлое»,
Въ «горѣлки», «войну», «лошадки» и «прятки»...
Ахъ, этотъ мальчикъ! Командуетъ смѣло
И дерзко къ извозчику влѣзъ на запятки!

Кричатъ мастерицы: «Дуняшка, проворнѣй!»
Но вотъ наступаетъ иная потѣха:
Асфальтъ поливая, огромный дворникъ
Обрызгалъ дѣтей средь визга и смѣха.

Мальчикъ взмахнулъ деревянной шпагой
И въ дворника кинулъ рваной калошей.
Ученица-малютка отъ подобной отваги
Забыла себя и захлопала въ ладоши.

Тогда подошла къ ней толстая хозяйка
И больно ущипнула повыше локтя,
Попрекнула лѣнью, зашипѣла: «Негодяйка!»
И почудились дѣвчкѣ у хозяйки когти...

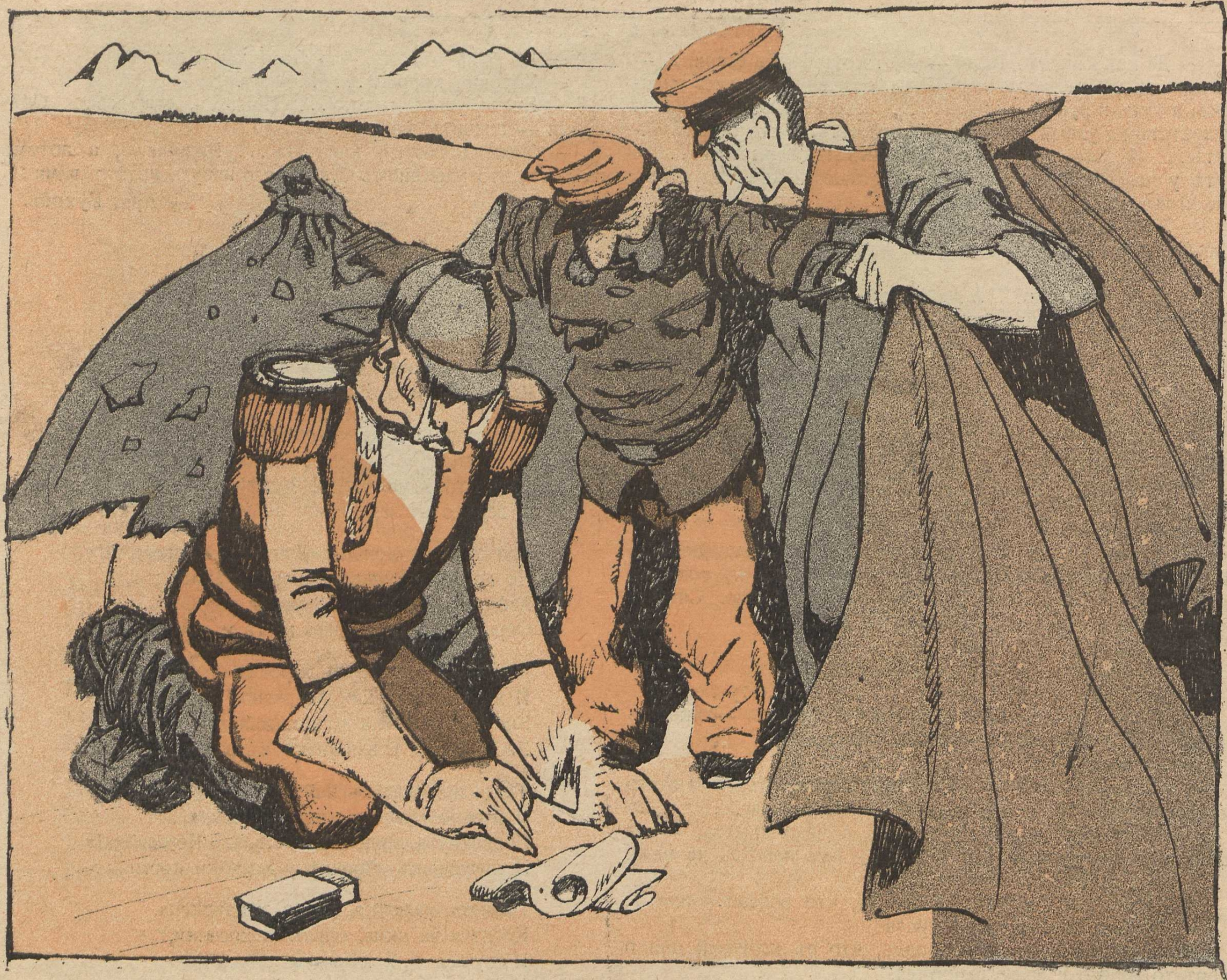
Плачетъ малютка, возясь у манекена,
Косится на окна, оправляя косички,
И скучно ей, и тяжело, и плѣнно,
Какъ запертой въ клѣткѣ замученной птичкѣ.

Дм. Цензоръ.

Рис. Миссѣ.

В О Й Н А.

БАЛКАНСКІЙ КОСТЕРЪ.

Вильгельмъ: — Ну, господа, осталась послѣдняя спичка — болгарская. Заслоните ее отъ вѣтра... Если и она погаснетъ, тогда никакимъ дьяволомъ костра не раздуешь.

ПЫЛЕСОСЪ.

Фельетонъ Аркадія Аверченко.

Всѣ мы страдаемъ отъ дураковъ. Если бы вамъ когда-нибудь предложили на выборъ: съ кѣмъ вы желаете имѣть дѣло — съ дуракомъ или мошенникомъ? — смѣло выберите мошенника.

Противъ мошенника у васъ есть собственная сообразительность, умъ и тактъ, есть законы, которые васъ защитятъ, есть ваша хитрость, которую вы можете обратить противъ его хитрости. Въ концѣ концовъ — это честная, достойная борьба.

Но что можетъ васъ защитить противъ дурака? Никогда въ предыдущую минуту вы не знаете, что онъ выкинетъ въ послѣдующую. Упадеть ли онъ вамъ съ крыши на голову, бросится ли подъ ноги, укуситъ ли васъ или заключить въ объятія... — кто проникнетъ въ тайны темной дурацкой психики?

Мошенникъ — математика, повинующаяся извѣстнымъ законамъ, дуракъ — лотерея, которая никакимъ законамъ и системамъ не повинуется.

Самый типичный дуракъ — это тотъ человѣкъ изъ дѣтской хрестоматіи, который зарѣзалъ курицу, несшую ему золотыя яйца.

Всѣ проиграли отъ этой комбинаціи: и курица, и ея владѣлецъ, и государство, на которомъ, конечно, отражается благосостояніе ничтожнѣйшаго изъ его подданныхъ.

А вдумайтесь — такъ ли бы поступилъ съ курицей мошенникъ? Да онъ бы ее на рукахъ носилъ, пылинкѣ бы не далъ на нее сѣсть, кормилъ бы отборнымъ зерномъ. Мошенникъ прекрасно знаетъ, что зерно не отборное, пополамъ съ разной дрянью — втрое дешевле... Осмѣлился ли бы онъ подсунуть своей курицѣ такое зерно? Нѣтъ!

Онъ бы, можетъ быть, подсунулъ торговцу зерномъ фальшивый двугривенный или обсчиталъ бы его, но обидѣть свою курицу, — на это не способенъ самый отъявленный мошенникъ.

Почти всякій изъ насъ, читатели, — курица, несущая кому-нибудь золотыя яйца, и потому всякій изъ насъ рискуетъ быть зарѣзаннымъ рукой дурака.

Поэтому — долой дураковъ!

* * *

Видѣли вы когда-нибудь, какъ магнитъ, сунутый въ кучу самыхъ разнородныхъ мелочей, вытягиваетъ изъ всего этого только желѣзныя опилки, — какъ онъ чисто, ловко и аккуратно это дѣлаетъ! Всунули вы чистенькій, гладкій, полированный стержень... моментъ! — и вытаскивается изъ кучи густо облипшій опилками и желѣзной пылью, потерявшій форму, комокъ.

И еще: видѣли вы, какъ работаетъ, такъ называемый, «пылесосъ»?

Прекрасное, волшебное зрѣлище.

Какъ будто одаренный человѣческимъ умомъ и энергіей, нащупываетъ хоботъ аппарата залежи пыли. Глядишь: только прикоснулся къ нимъ — и уже сверкаетъ бѣлизной грязное, загаженное мѣсто... Ни одной пылинки не оставитъ жадный хоботъ, все тянетъ аппаратъ своими могучими легкими.

И ни чихотки не знаетъ онъ, ни даже простого кашля.

Однажды, когда я, сидя на диванѣ, наблюдалъ изъ другой комнаты работу чудеснаго аппарата, ко мнѣ пришелъ знакомый и сказалъ:

— А я вчера очень заинтриговалъ Елену Сергѣевну...

— Какимъ образомъ?

— Да сказалъ, что видѣлъ васъ въ «Аквариумѣ» съ одной блондинкой. Она долго допытывалась, да я — не дуракъ въдь — помучилъ, помучилъ ее, однако, не сказалъ. Очень было весело...

— Кто же вас просил говорить это?

— Никто. Я просто заинтриговать хотѣлъ. Она чуть не плакала, да я-то не дуракъ, слава Богу, хе-хе... Не выдалъ васъ. Пылесось овистѣлъ и шумѣлъ, ощупывая хоботомъ своимъ пыльный карнизъ.

Я глядѣлъ на его работу и думалъ:

«Отчего никто не выдумаетъ такой пылесось для дураковъ? Хорошо бы сразу высосать всѣхъ дураковъ изъ нашего города, втянуть ихъ куда-нибудь всѣхъ до послѣдней крошечки. Жизнь сразу бы посвѣтлѣла, воздухъ очистился и дышать сдѣлалось бы легче.»

Эта мысль — придумать пылесось для дураковъ — взорвется въ мнѣ, и я часто къ ней возвращался...

* * *

— Что я съ ними буду дѣлать, ты подумай! — плакалъ какъ-то, сидя у меня, одинъ изъ моихъ друзей, получившій недавно наслѣдство. — На что онѣ мнѣ, эти проклятыя пятисоты десятины!? Мѣсто сырое, топкое, лѣсу нѣтъ, только песокъ и камень, вода за двадцать верстъ, дорогъ нѣтъ. Ближайшій городъ — за двѣсти верстъ.

Я потеръ рукой голову.

— Вотъ что... Садись за столъ и пиши объявление въ газеты...

Онъ сѣлъ.

— Ну?

— Пиши: «Въ сырой, холодной мѣстности, лишенной питьевой воды, продаются участки для постройки на нихъ домовъ и усадебъ. Полное отсутствіе лѣса; почва — песокъ и глина. Ближайшій городъ за двѣсти верстъ. Полное бездорожье, отсутствіе медицинской помощи, лихорадочная, малярийная мѣстность. Квадратная сажень земли стоитъ 50 коп. При большихъ покупкахъ — дороже. Лицъ, желающихъ приобрести землю и поселиться въ этомъ мѣстѣ, просятъ обращаться туда-то, — Контора по продажѣ земли въ поселкѣ Карудъ».

— Господи Иисусе, — ахнулъ мой другъ. — Кто же можетъ откликнуться на это предложеніе?... Развѣ только круглый дуракъ.

— Ну, да же! Подумай, какая прелесть: это будетъ единственное мѣсто, гдѣ дураки соберутся въ этакую плотную компактную массу. Твоя земля — это пылесось, который сразу вытянетъ всѣхъ дураковъ изъ нашей округи... То-то хорошо дышать будемъ!

— Да вѣдь они тамъ помирать шибко будутъ. Жалко...

— Дураковъ-то? Да пусть мрутъ на здоровье, Боже ты мой!

— Ну, такъ я хоть припишу, что лѣтомъ тамъ очень прохладно.

— Ни за что! Пиши такъ: «Холодная безснѣжная зима, жаркое, душное лѣто, полное отсутствіе растительности»... Есть?

— Есть. Да только ужъ и не знаю — выйдетъ ли что-нибудь изъ этого?

* * *

Вышло.

Въ «Контору по продажѣ земель поселка Карудъ» посыпались письменные запросы.

Спрашивали:

«Дѣйствительно ли, нѣтъ лѣсу поблизости, а если нѣтъ, то я прошу записать на мое имя четыре десятины, посырѣе, потому что у меня часто пересыхаетъ горло, и, вообще, въ лѣсу мало ли что можетъ быть!»

Одинъ господинъ писалъ:

«Если публикація говоритъ правду въ параграфѣ о песчаной каменистой почвѣ, то я покупаю 10 десятинъ: мнѣ песокъ и камень нужны для постройки дома. Сообщите также, какъ понимать выраженіе «лихорадочная мѣстность»? Не въ смыслѣ ли это лихорадочной дѣятельности въ этой мѣстности?»

Дама писала:

«Меня очень соблазняетъ отсутствіе медицинской помощи. Дѣйствительно, эти доктора такъ дерутъ за визиты, а пользы ни на грошъ. Хорошо также, что нѣтъ воды: отъ нея страшно толстѣешь; я пью лимонный сокъ и остаюсь съ почтеніемъ Василиса Чиркина».

* * *

Черезъ два мѣсяца половина участковъ

въ поселкѣ Карудъ была распродана.

Пылесось работалъ во всю.

Арк. Аверченко

ВОЙНА.

V.

Тревога.

Тревогу трубятъ.

Тревожный обрядъ

Творятъ

Приотрядныя трубы.

Въ тревожной ночи

Трубятъ трубачи,

И въ трубы впиваются губы.

«Та-ра-тра-тра-тратъ!» —

Какъ каменный градъ

У каменныхъ вратъ,

На дорогу

Бросаетъ въ туманъ

Слѣпой барабанъ.

Тупую,

Слѣбую

Тревогу...

Все вокругъ черное,

Нѣту огня

Впереди...

Жутко для глаза.

Бди!

«Тихо на сборное

Мѣсто коня

Веди,

Стой и приказа

Жди!»

VI.

Полковой священникъ.

Прибылъ къ намъ изъ скита.

Звать — отецъ Микита.

Старенькая ряска,

Руки ходятъ тряско.

Поглядѣть — такъ жалость!

Въ чемъ душа держалась?

А въ атакѣ отче —

Молодыхъ насъ ходче.

Крестъ подниметъ вгору,

Да по косоугору,

Да по зыбкимъ тропамъ,

Да къ чужимъ окопамъ, —

Это на штыки-то, —

Претъ отецъ Микита

Черезъ груды праха,

Не приемя страха;

Уплываетъ ряса

Черезъ горы мяса...

Подъ свинцовымъ градомъ

Станетъ къ нѣмцамъ задомъ,

Причащаетъ дѣльно

Раненыхъ смертельно,

Осѣняетъ миромъ

Души въ тѣлѣ сиромъ

И на полѣ брани

Воздымаетъ длани.

Скажутъ старики-то:

— Эхъ, отецъ Микита!

Больно ходишь смѣло,

Какъ бы не задѣло?

Ничего не скажетъ,

Только вверхъ укажетъ

И, въ словахъ моленій,

Станетъ на колѣни.

Вотъ каковъ Микита,

Прибывшій изъ скита, —

Старенькая ряска,

На ногѣ — повязка,

Черезъ щеку — пластырь,

Настоящій пастырь!

И «Военный Вѣстникъ»

Сообщилъ изъ дали,

Что Микитѣ крестикъ

Нашъ, солдатскій, дали.

Владимір Воиновъ.

Рис. В. Д.

ВОЙНА И БОГЕМА.

У веселаго малаго,
У художника Алова
Есть собака, по имени «Муммъ»,
Есть подруга Тамарочка,
Стульевъ сломанныхъ парочка
И нарядный весенний костюмъ.
У художника Алова,
Развеселаго малаго,
Вся мансарда восторгомъ горитъ.
«Муммъ» печенкой питается,
Аловъ ѣсть, наслаждается,
А Тамарочка кофе варитъ.
Кончилъ Аловъ съ заботами.
Вотъ — икрою и шпротами
Убранъ солнечно-радостный столъ.
Знай, цѣлуйся съ Тамарою,
Занимайся гитарою
И лежи, какъ лѣнивый осель.
На Вильгельма Кроваваго,
У художника Алова,
Десять шаржей купилъ «Винегретъ».
«Муммъ» гудитъ, заливається,
Аловъ ѣсть, наслаждается,
Вся Тамарочка — счастье и свѣтъ.

У художника Алова,
Разнесчастнаго малаго,
Нѣтъ собаки, по имени «Муммъ»,
Нѣтъ Тамары, блондиночки,
Развалились ботиночки,
И заложенъ весенний костюмъ.
Тамъ, за черною лѣстницей,
Съ пуделихой-прелестницей
Потерявшій фасонистость песь
Обнаглѣлъ анархически,
Отощаль аскетически,
Огрубѣлъ, какъ плимутскій матросъ.
Въ Лѣтнемъ — нѣжная парочка:
Колька Львовъ и Тамарочка,
А надъ ними злодѣй Купидонъ, —
На Вильгельма Кроваваго,
Въ 300 строчекъ безъ малаго,
Продаль Колька въ «Зарю» фельетонъ.
Аловъ стонетъ и бѣсится,
Аловъ хочетъ повѣситься:

Жизнь мрачна, какъ преступника бредъ, —
У художника Алова,
На Вильгельма Кроваваго,
Не взялъ шаржей журналъ «Винегретъ».

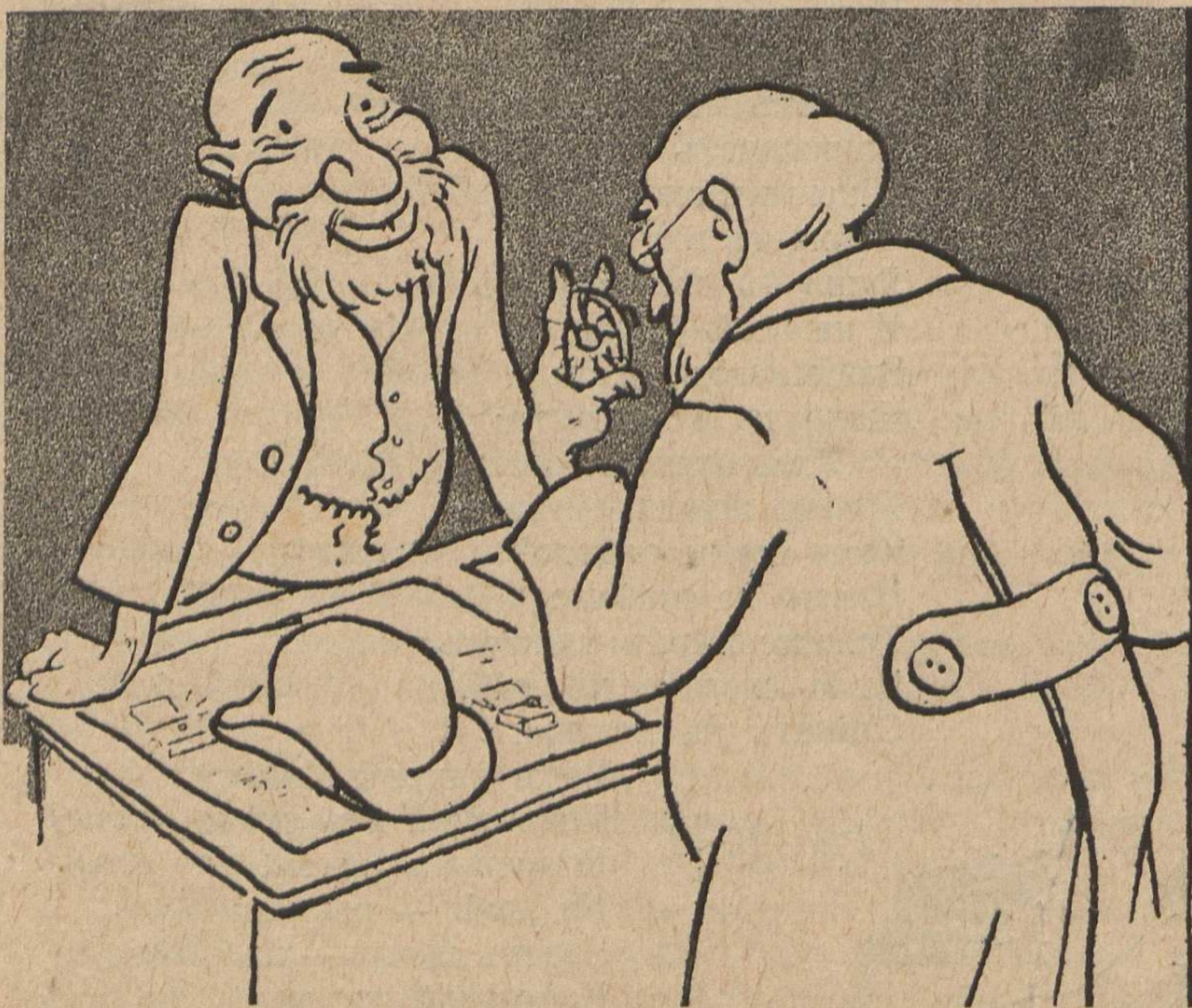
Евг. Вѣнскій.

„ПИТА - ПИТА“.

Онъ попросилъ разрѣшенія сѣсть за мой столикъ.
— Пожалуйста!
Онъ поблагодарилъ, сѣлъ, заказалъ чаю и сказалъ:
— Простите, я васъ не встрѣчалъ въ Маринскомъ театрѣ?
— Встрѣчали.
Онъ, повидимому, удивился моей увѣренности: поднялъ брови.
— Встрѣчали, встрѣчали!.. И на Невскомъ проспектѣ, и въ кинематографѣ, и на поплавкѣ, и въ ресторанахъ, и на бѣгахъ... и въ трамваѣ.
— Да, въ Петроградѣ такъ легко встрѣтиться! Знаете, инья физиономіи такъ примелькаются, что начинаешь раскланиваться съ незнакомыми... Вообще, знаете, физиономія человѣческая очень мѣняется... Знаете, почти всегда это зависитъ отъ питанія... Нормальной пищей для взрослога мужчины нужно считать приблизительно 118 граммъ бѣлка, 60 граммъ жира и 500 граммъ углеводовъ въ день...
Онъ пододвинулъ принесенный ему стаканъ чаю поближе, вынулъ изъ кармана коробочку, изъ коробочки маленькій квадратикъ какого-то темнаго вещества и опустилъ въ чай. Поглядѣлъ пристально на меня. Я умышленно молчалъ.
— Вотъ этотъ кусочекъ — видѣли? — можетъ замѣнить собой три желтка, 20 граммъ жиру и 250 граммъ углеводовъ. Это американскій препаратъ для питанія «Пита-Пита». Отъ одной такой коробочки въ человѣкѣ можетъ прибавиться около двухъ пудовъ вѣсу. Изумительно, правда?
— Правда.
— Молоко является универсальнымъ питательнымъ средствомъ. Но въ молокѣ жиръ легкоплавкій, распыленный въ миллиарды микроскопически-мельчайшихъ капелекъ, а въ «Пита-Пита» жиръ имѣется въ такомъ поразительно-скрытомъ видѣ, что ни одна лабораторія не могла его обнаружить! Удивительно, правда?
— Правда.
— Вотъ чего добились американскіе химики!.. Вотъ, видите, я растворилъ въ чаѣ одну плиточку, одинъ квадратикъ, и ничего не требую, даже пирожныхъ... А почему? Потому что я сейчасъ три желтка, 20 граммъ жиру и

ДОРОГОВИЗНА.

Рис. Н. Радлова.

ПО ПРИВЫЧКѢ.

— Почему у васъ брилліанты такъ вздорожали?
— Да подвозъ, знаете, сократился: вагоновъ свободныхъ нѣтъ...

МЯСО ДЕШЕВѢЕТЪ.

— Подсудимый! За то, что вы ударили палкой купца Брюхатова, запросившаго за товаръ дороже нормальной цѣны, я штрафую васъ на три рубля.
— Слава Богу! Наконецъ-то, битая скотина дешевле стала!

250 граммов углеводов имѣю здѣсь, въ стаканѣ. Это универсальнѣйшее питательное средство!.. При теперешней дороговизнѣ жизненныхъ припасовъ — это кладь!.. Такой квадратикъ стоитъ 2¼ копейки, а только три желтка обходятся въ 12 копеекъ... а жиръ? а углеводы?.. Хотите попробовать?

Я отказался.

— Три такихъ коробочки, принятыхъ сряду, могутъ заставить самаго худосочнаго человѣка прибѣгнуть къ средствамъ противъ ожирѣнія!.. Зарегистрированы изумительные случаи!.. Напримѣръ, одинъ юноша, двадцати лѣтъ, въ теченіе сорока лѣтъ страдалъ туберкулезомъ и умеръ въ глубокой старости только потому, что поддерживалъ свои силы «Пита-Пита». Одна дама, безумно любившая дѣтей, но не имѣвшая ихъ потому, что ея питанія не хватало для нея и на аппетитъ младенца во время утробной жизни его, — единственно только благодаря «Пита-Пита» смогла родить ребенка. Изумительно?..

Я сдѣлалъ большіе глаза, насколько позволяли ихъ орбиты, вытянулъ шею, насколько позволялъ крахмальный воротничекъ, помоталъ, какъ маятникомъ, головой и хмыкнулъ...

— Это чтò?! Вы бы почитали литературу о «Пита-Пита»... Напримѣръ...

Я человѣкъ бывалый: я отлично знаю, какую безконечную цѣпь примѣровъ влечетъ за собой одинъ примѣръ (недаромъ говорятъ: «примѣръ заразителенъ»)! Я поспѣшилъ извиниться, расплатиться и пересѣсть за сосѣдній столикъ, за которымъ сидѣли мои знакомые.

Наблюдая изъ любопытства за моимъ прежнимъ сослуживцемъ, (если можно такъ выразиться), я замѣтилъ, что онъ тоже — со своимъ стаканомъ чаю — пересѣлъ къ другому столику, за которымъ сидѣла нарумяненная кокотка. Я прислушался.

— Будемъ, красавица, говорить откровенно: для васъ тѣло ваше — источникъ вашего питанія, и вамъ болѣе, чѣмъ кому-либо, слѣдуетъ заботиться о питаніи источника своего питанія!.. Выхолненнымъ, упругимъ, атласистымъ тѣло можетъ быть лишь при универсальнѣйшемъ питаніи... Вотъ, глядите, я опускаю въ чай эту таблеточку и этого достаточно, чтобы быть сытымъ, какъ отъ обѣда въ три блюда, если на первое — судакъ по-польски, на второе — супъ потафе, на третье — бефъ Строганофъ...

— Я не люблю бефъ Строганофъ, котлеты Пожарскія лучше!

— Это дѣло вкуса!.. Таблеточка «Пита-Пита» замѣняетъ любое меню!.. Вотъ, проглотите такую...

— Да вы потребуите для меня кофею!.. Угостите!.. Чего такъ-то, зря, горло драть?

— О, нѣтъ!.. Растворяясь въ жидкости «Пита-Пита» теряетъ часть своей питательности...

— Ишь, жадный какой мужчина!..

Онъ поднялся и пересѣлъ на прежнее мѣсто. Она бросила ему вслѣдъ его таблетку.

Онъ повернулся ко мнѣ:

— Удивительная некультурность, непониманіе собственныхъ интересовъ... «Mens sana in corpore sano» — въ здоровомъ тѣлѣ здоровый духъ!.. Ну, допустимъ, ей нужно только тѣло ея...

Я поспѣшилъ согласиться съ нимъ и заговорить со своими знакомыми.

Уходя я въ швейцарской снова столкнулся съ нимъ.

— Поработалъ, а теперь обѣдать!.. Чай — полосканье желудка, а у меня аппетитъ — волчій!.. — сообщилъ онъ мнѣ.

— А таблетки «Пита-Пита» развѣ не питательны? — съехидничалъ я.

— Косвенно — питательны. Наша фирма — американская и реклама поставлена образцово. Я получаю жалованье за рекламированіе «Пита-Пита» во всѣхъ кафѣ.

— Скажите, — снова съехидничалъ я, — въ теченіе мѣсяца сколько коробокъ вы сѣдаете сами въ работѣ?

— Коробокъ тридцать, не менѣе.

— Слѣдовательно, въ васъ ежемѣсячно прибавляется двадцать пудовъ вѣсу?

Я оглядѣлъ его тощую фигуру съ ногъ до головы и усмѣхнулся.

Онъ вспыхнулъ:

— Стыдно, молодой человѣкъ, смѣяться надъ честнымъ труженикомъ!

Я сконфузился. Пожалуй, вѣдь, онъ и правъ.

Исидоръ Гуревичъ.

ОТРЫВНОЙ КАЛЕНДАРЬ.

„Списокъ пожертвованій въ газетѣ „Земщина“: поступило отъ г. Н—скаго 1 руб. 25 коп.“ (Изъ газетъ.)

Еще вчера, съ огнемъ во взорѣ
Онъ проповѣдовалъ: «Клянусь,
Въ минуту бѣдствія и горя
Меня не разъ ты вспомнишь, Русь!»
И вотъ тяжелая година
Пришла, но, трепета полна,
Напрасно кличетъ паладина
Изнеможенная страна!
Онъ не спѣшитъ къ призывной встрѣчѣ,
На помощь къ милой не идетъ:
Иные дни — иныя рѣчи,
Иной моментъ — иной расчетъ!

Я знаю, многимъ до тошноты
Вопросъ подобный надоѣлъ,
Но — пусть! Я буду прямо и смѣло:
«Куда дѣвались «патріоты»?
Гдѣ слѣдъ ихъ пламенной работы?
Гдѣ отзвукъ ихъ великихъ дѣлъ?»
Напрасно взоръ мой, полный гнѣва,
Скользитъ внимательно окрестъ;
Я вижу трудъ, но это — слѣва,
Врачей, но это — Красный Крестъ!
Но, впрочемъ, вотъ и вѣсти справа:
Любовью къ родинѣ влекомъ,
Расщедрился союзникъ (браво!
Ай да, союзная орава!!),
На цѣлый... рубль съ четвертакомъ!!

Джо.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Репортеръ „Петрогр. Курьера“ имѣетъ о шуткѣ свое собственное, не зависимое ни отъ чего представленіе:

„Ушедшій на войну авіаторъ А. А. Агафоновъ пріѣхалъ въ Петроградъ для леченія вслѣдствіе полученныхъ имъ ушибовъ и разрыва плевры во время одного изъ полетовъ въ сильный вѣтеръ. — Не повезло, — шутя (?) объясняетъ А. А. Агафоновъ причину своего паденія съ аппарата на землю. — Полетѣлъ въ сильный вѣтеръ, поднялся метровъ на 30, и пришибло сильнымъ порывомъ къ землѣ.“

Одного человѣка съ креповымъ бантомъ на рукѣ спросили:

— Что это за трауръ у васъ?

— Мать умерла, — пошутилъ онъ. — А вы почему такой грустный?

— Ребенокъ мой заболѣлъ оспой, — съострилъ вопрошаемый. Много веселыхъ людей въ Россіи.

*

Въ „Журналѣ для женщинъ“ веденіе моднаго отдѣла поручено... мужчинѣ.

Поэтому многіе техническіе вопросы этотъ мужчина разрѣшаетъ со своей эгоистической мужской точки зрѣнія...

Вотъ его отвѣтъ одной простодушной читательницѣ, душа которой довѣрчиво раскрылась передъ руководителемъ „моднаго отдѣла“: „Я очень тронута, что вы такъ любезно сообщили мнѣ всѣ пропорціи моего сложенія (талія 60 сант., грудь — 84, бедра — 97 и т. д.) но къ сожалѣнію, эти точныя цифровыя данныя могутъ пригодиться вашей портнихѣ, но отнюдь не мнѣ.“

Какъ прикажете мнѣ ихъ использовать?..

Наивный человѣкъ! Неужели онъ не понимаетъ, что использование сообщенныхъ данныхъ можетъ быть только одно: предложеніе руки и сердца счастливой обладательницѣ таліи — 60 с., груди — 84 с., бедеръ — 97...

Наивность этого руководителя моднаго отдѣла можетъ дойти до того, что на вопросъ: „что преимущественно носить весной?“ — онъ отвѣтитъ:

„Теплыя вещи въ ломбардѣ.“

Ибо у всякаго человѣка свой кругозоръ...

*

Фраза изъ „Петрогр. Газеты“:

„Германскіе снаряды съ каждымъ днемъ уменьшаются въ своей мѣткости.“

Поистинѣ, авторъ этой фразы съ каждымъ днемъ уменьшается въ своей грамотности...

*

Оттуда же — фраза художественнаго критика Р. о выставкѣ Альберта Бенуа:

„Особенное мастерство художникъ выказываетъ въ изображеніи облаковъ, гдѣ кисть его разрѣшаетъ самыя трудныя задачи и чувствуетъ себя, какъ рыба въ водѣ.“

Перо въ рукахъ критика Р., къ сожалѣнію, чувствуетъ себя, наоборотъ, въ положеніи рыбы, вытасенной изъ воды.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Собаку съели.

Приводимъ печальное письмо, найденное на нѣмецкомъ военнопленномъ.

„Золингенъ, Вестфалія, 26/3—15. Хлѣбъ и пища вообще стали не по карману. Едва хватаетъ денегъ на ежедневный обѣдъ. Мы убили нашу „Молли“; ей-Богу, собачина — очень вкусное мясо; но Лизочка отказалась ѣсть и очень плакала, глупая дѣвочка!“

Раньше считалось, что собака другъ человѣка.

Теперь нѣмцами это понятие сужено:

— Собака — другъ желудка.

Дьявольски тонкій приемъ.

Хитрый, сообразительный человѣкъ найдетъ вь самомъ затруднительномъ случаѣ:

СТОКГОЛЬМЪ. Вь Берлинѣ запрещена продажа путеводителей и описаній пограничныхъ мѣстностей Германіи на востокъ, сѣверъ и западъ на протяженіи 100 километровъ отъ границы.

Теперь вообразите себѣ положеніе русскихъ войскъ: перешли они границу, идутъ по нѣмецкой землѣ, а куда идти — и не знаютъ: путеводителей нѣтъ, и ничего неизвѣстно. Положеньице, а?

И нѣмцы думаютъ, вѣроятно, такъ: повернутся, повернутся русскіе, да такъ и уйдутъ, не добившись толку безъ путеводителей...

Это называется — побѣдить врага хитростью.

Протекціонная система для сельдей.

Берлинская администрація стала кормить нѣмцевъ новымъ суррогатомъ хлѣба — „десятью заповѣдями“...

По распоряженію главноначальствующаго Берлина, во всѣхъ трамвайныхъ и желѣзнодорожныхъ вагонахъ городского сообщенія вывѣшены большіе плакаты со слѣдующими десятью заповѣдями военного времени для гражданского населенія:

1) Ыште какъ можно меньше, избѣгая добавочной пищи вь промежуткахъ между главными трапезами. 2) Не давайте пропадать сухимъ хлѣбнымъ остаткамъ. 3) Соблюдайте экономію вь расходованіи масла и жировъ. 4) Питайтесь молокомъ, сыромъ, сахаромъ. 5) Варите картофель непременно съ шелухой, что дастъ экономію не мене 20%. 6) Пейте какъ можно меньше пива, чьтсбы 7) увеличить такимъ путемъ наши запасы картофеля. 8) Соблюдайте экономію вь потребленіи консервовъ. 9) Питайтесь овощами. 10) Собирайте кухонные отбросы.

Магистратъ Шенеберга, предмѣстья Берлина, рекомендуетъ населенію восполнить недостатокъ мяса потребленіемъ сельдей.

Городскимъ складамъ сдѣлано распоряженіе продавать картофель только тѣмъ лицамъ, которыя вмѣстѣ съ кило картофеля купятъ не меньше трехъ сельдей.

Положеніе берлинцевъ похоже на положеніе театральнаго антрепренера: если онъ нанимаетъ хорошую актрису, то она заставляетъ его брать и своего бездарнаго возлюбленнаго, вь качествѣ премьеры труппы.

Вь данномъ случаѣ селедка играетъ роль этого бездарнаго, но неизбѣжнаго любовника.

Странная ловушка.

Поймали — и сами не рады:

Газета „N. F. P.“, отъ 14 апрѣля, вь стремленіи успокоить своихъ читателей, развязно заявляетъ, что русская армія заперта вь Галиціи и не можетъ оттуда выйти.

Конечно, любой дуракъ можетъ утверждать, что положеніе тигра, запертаго вь клѣткѣ, — незавидно, но не тогда это можетъ утверждать дуракъ, когда онъ сидитъ вь одной клѣткѣ съ вышеупомянутымъ тигромъ.

Къ свѣдѣнію коммерческихъ круговъ.

Неизвѣстно, привѣтся ли вь коммерческихъ кругахъ новый, совершенно свѣжій способъ расчета съ кредиторами, такъ называемый, „турецкій“:

ТИФЛИСЪ. Изъ Константинополя сообщаютъ, что правительство, подъ предлогомъ очищенія столицы отъ бродягъ, выслало массу персовъ.

Вь число ихъ вошли главнымъ образомъ кредиторы казны.

Разсуждаетъ турецкая администрація, вѣроятно, такъ:

— Послушайте, молодой человѣкъ...

Что-то очень вы намъ подозрительны...

— Помилуйте, что вы!.. Какой же я подозрительный человѣкъ... Еще позавчера я далъ вашей казнѣ взаймы двѣсти тысячъ піастровъ.

— Серьезно?

— Ей-Богу.

— Какъ же вы рѣшились на это?

— Да вѣдь вы же сами просили!

— Мало ли что! А вы ужъ и обрадовались?! На-те, моль! Только развращаете насъ своими подачками. Ахметка, проводи его!..

— Позвольте, куда?..

— Иди, иди; много васъ тутъ шляется. Навѣрное, бродяга какой-нибудь, авантюристъ... Хорошій человѣкъ нашей казнѣ денегъ вь долгъ не дастъ!.. Дай ему хорошенько, Ахметка!

Кофе по-турецки — вкусная вещь.

Расчетъ съ кредиторомъ по-турецки — вещь совсѣмъ невкусная и здоровью очень угрожающая...

Редакторъ.

Преппикантную исторію рассказываютъ о томъ, какъ правая одесская пресса, вь лицѣ редактора газ. „Русск. Рѣчь“, отнеслась къ К. А. Варламову.

Служащій дирекціи Ильина, организатора гастролей, отправился по редакціямъ газетъ для сдачи анонсовъ и приглашенія сотрудниковъ на спектакли. Случайно онъ попалъ и вь редакцію „Р. Р.“, гдѣ его редакторъ В. огорошилъ вопросомъ:

— А кто такой Варламовъ?

— Артистъ Императорскихъ театровъ.

— Для чего онъ вь Одессу пріѣхалъ?

— Играть.

— Играть?.. А чествовать его будутъ вь жидовскомъ литературномъ клубѣ? Лучше бы отправился вь синагогу, — тамъ больше жидовъ...

Вь прошломъ номерѣ мы рассказывали о тюменскомъ козлѣ, который съ одинаковымъ равнодушіемъ обѣдалъ на тумбахъ афиши и съ именемъ К. А. Варламова, и съ анонсами о „Пренсѣ, удильщикѣ рыбы...“

Конечно, редакторъ „Русской Рѣчи“ афишъ на тумбахъ не обѣдаетъ, но во взглядахъ на искусство онъ съ тюменскимъ козломъ совершенно солидаренъ.

ГЕНИЙ ПРАКТИКИ.

„Какъ сообщаетъ „Hamburger Nachrichten“, два германскихъ министра, — внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, — *распорядились организовать вь Германіи сборъ старыхъ резиновыхъ предметовъ*. Предполагается, что старыя резиновыя калоши и т. п. пригодятся для выдѣлки новыхъ автомобильныхъ шинъ“.

(„День“.)

Люблю тевтона и не брошу
Любить его. Каковъ шельмецъ!
Онъ, даже грузно сѣвъ вь калошу,
Не растерялся. Молодецъ!..
Слетѣвъ съ заоблачной вершины,
Онъ всталъ, почистился, открылъ
Глаза свои — и мигомъ *шины*
Изъ той калоши смастерилъ!

В. Теткинъ.

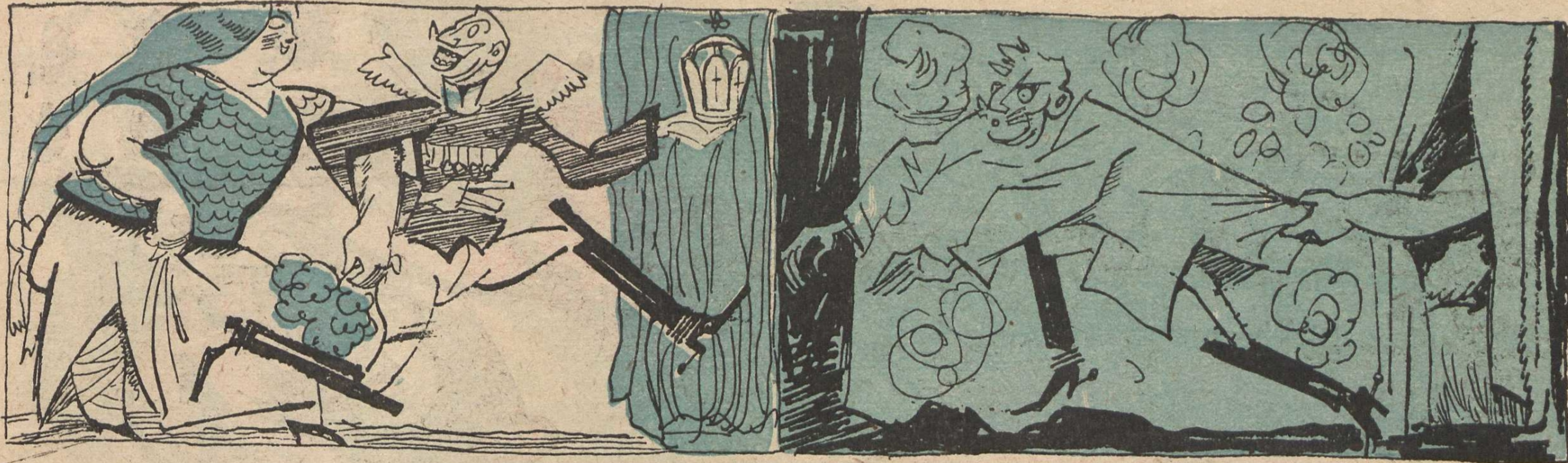
Ископаемый городъ.

„Насъ просятъ обратить вниманіе на то, что по улицамъ продолжаетъ разгуливать скотина; не малое безпокойство приносятъ гуляющіе по Спасской ул. быки, занимающіеся флиртомъ“.

(„Сибирск. Торг. Газета“.)

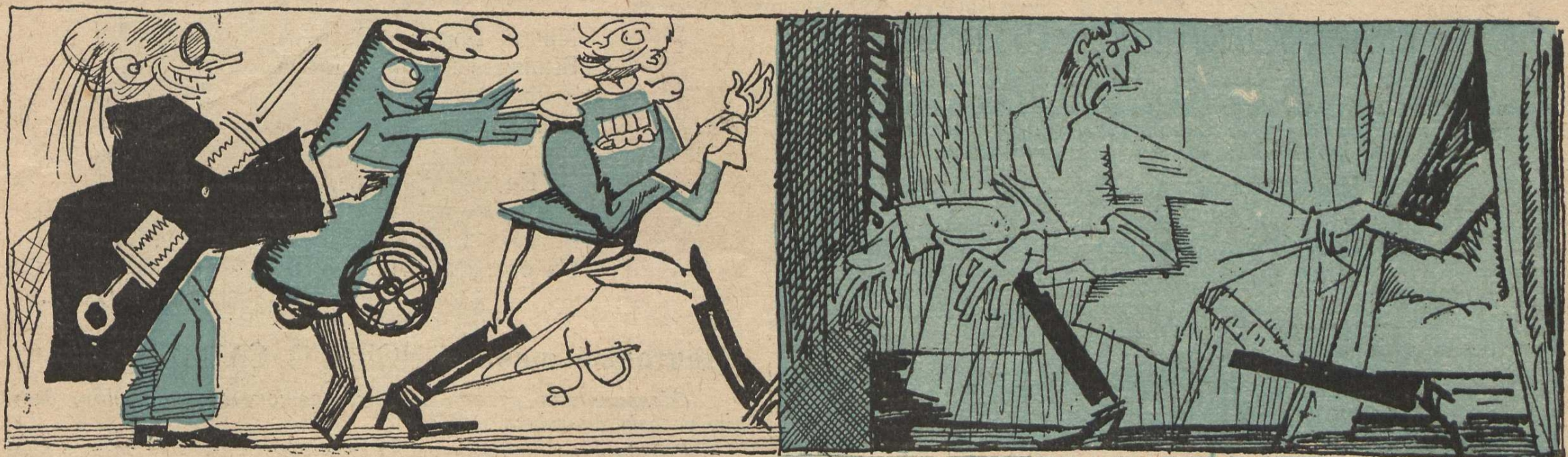
О милый городъ-анекдотъ,
Тюмень, жемчужина Сибири!
Едва ли кто-нибудь найдетъ
Подобный городъ вь цѣломъ мірѣ!
Здѣсь люди — хмуры и дики,
И гонятъ прочь любви соблазны;
Зато влюбленные быки
До омерзѣнія развязны!

Тюменецъ.

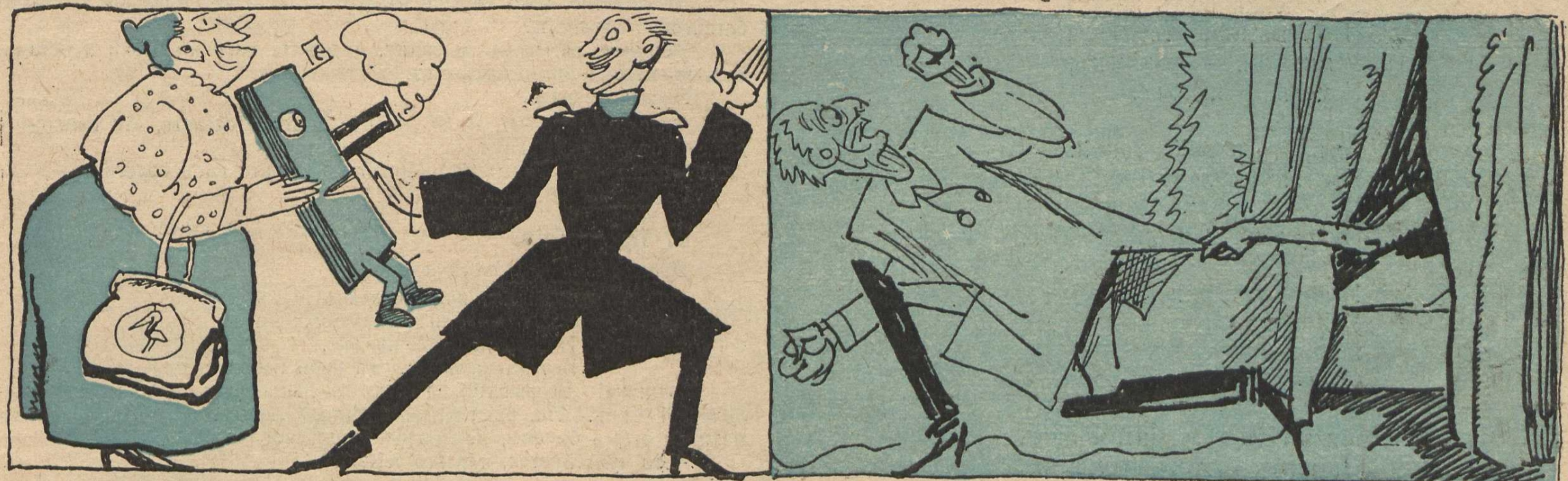
— Милая Германия, о моя прекрасная жена! Идемъ скорѣй, — насъ ждетъ брачная постель, а потомъ меня ждутъ на охоту.
— Поклянись же, мой милый, что ты всегда будешь любить меня.

— Милый! побудь со мной, мнѣ надо сказать тебѣ...
— Не могу, милашка: ждутъ художники, я съ ними долженъ картину писать.

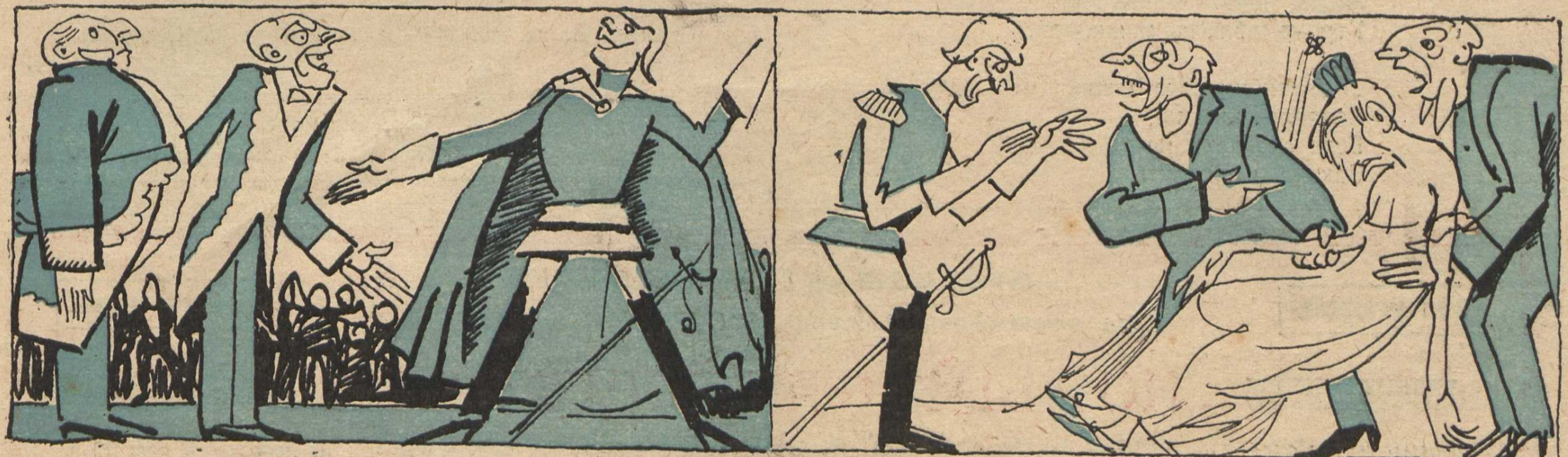
— Поздравляю васъ, ваше величество, у васъ родился великолѣпный сыночекъ-пушка.
— Милъ, милъ, — очень милъ — совсѣмъ въ меня... Отдайте на воспитаніе. Спѣшу послать телеграмму...

— Милый, да побудь же со мной, мнѣ такъ много...
— Что ты, что ты?! Я сдѣлалъ свое дѣло... Некогда... Спѣшу писать рѣчь о влияніи гороха для патриотизма...

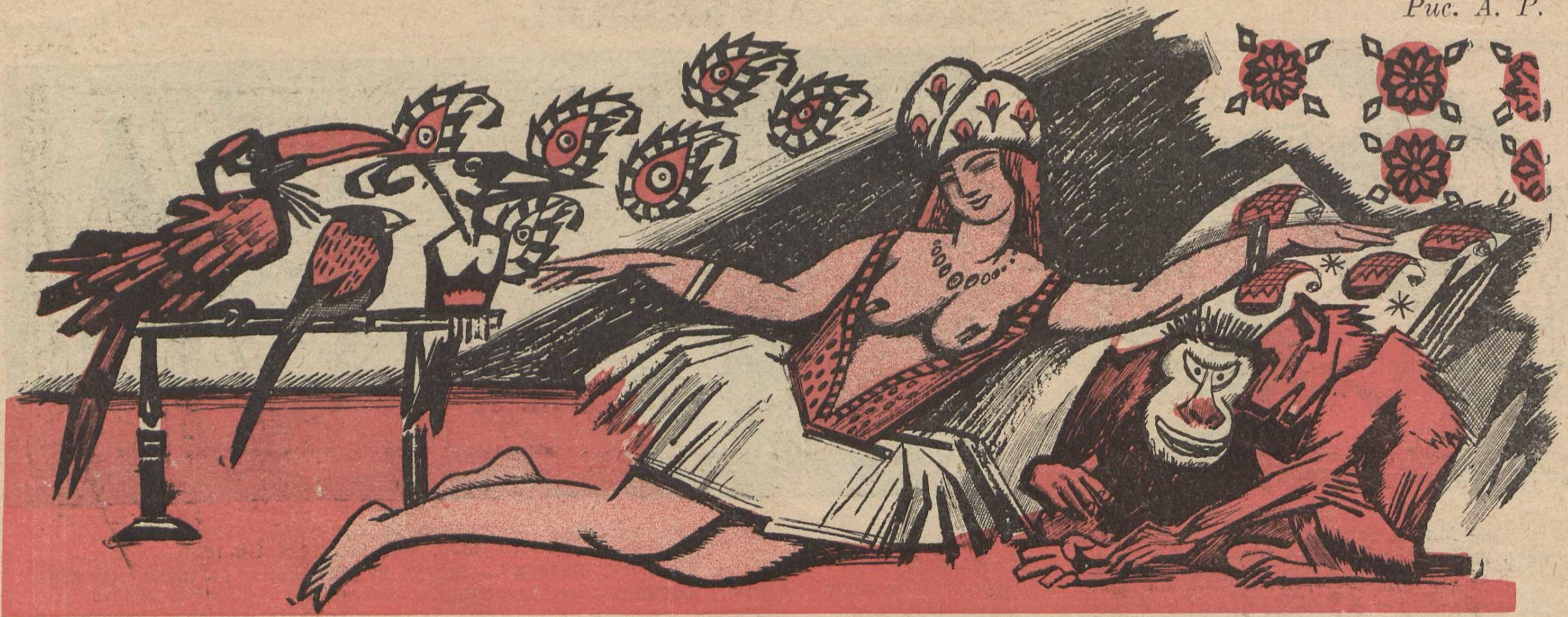
— Поздравляю васъ, ваше величество, великолѣпная дочка-дредноутикъ.
— Мила! Совсѣмъ въ мать. Берегите ее... Спѣшу, — новую форму солдатамъ рисую.

— Милый, ради Бога! я совсѣмъ себя плохо чувствую — побудь со мной.
— А ты забыла, что я новую оперу сегодня пишу?! Прощай.

— Ваше величество! Ваши дѣти — пушки и дредноуты не могутъ совладать съ врагомъ. Что дѣлать?! Народъ ждетъ побѣды.
— О, я знаю, какъ поднять духъ моихъ доблестныхъ солдатъ! Пойдемте къ Матери-Германіи: она своимъ видомъ вольетъ новое мужество въ сердца солдатъ.

— Боже мой! Вотъ она какая!... Первый разъ вижу... что же, вынести ее къ народу или нѣтъ?!!
— Ваше величество, можетъ быть, лучше, какъ говорятъ наши враги, сора изъ избы не выносить?..

ВЕЛИКОСВѢТСКІЯ ЧАСТУШКИ.

(Въ такомъ видѣ представляются мнѣ частушки, если бы ихъ пѣли не подъ гармошку на завалинкахъ или у фабричныхъ воротъ, а на званныхъ обѣдахъ и журфиксахъ).

Милка ѣла ананасъ,
А я — артишоки;
Полюбите, дамы, насъ
Вы на файфъ о'клокѣ.

На балу я танцовала
Съ дипломатымъ вчера,
Меня мамка наставляла
Замужъ, доченька, пора.

Мнѣ милонъ папашкой даденъ,
Полюблю, кого хочу, —
Не поѣду въ Баденъ-Баденъ,
Я на Волгу покачу.

У миленка пылъ изсякъ,
Нѣту въ немъ терпѣнья;
У миленка — особнякъ,
У меня — имѣнье.

Ахъ, ты, этакій, такой,
Что заходишь рѣдко,
Не гуляй ты по Морской
Съ рыжей шансонеткой.

У портного есть кредитъ,
У Донона тоже, —
Моя милая сидитъ
Съ меценатомъ въ ложѣ.

Милый сѣлъ въ автомобиль,
Съ нимъ — товарокъ стая,
Не пускай въ глаза мнѣ пылъ,
Я сама — такая.

Чтобъ пригожимъ казаться
Для обдѣлки разныхъ дуръ,
Милка ночью завива'тся,
Утромъ дѣла'тъ маникюръ.

У портнихи шью давно,
Заказала кимоно,
Если сдѣлаетъ не то,
Закажу я ей манто.

Милый везъ на Острова,
Выпивши шампанскаго,
Закружилась голова
Отъ хора отъ цыганскаго...

— Не даю согласие, черти, —
Говорилъ родитель намъ.
Встрѣчусь съ милкой на концертѣ,
На благотворительномъ...

Арк. Буховъ.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

(Непринятая рукопись не возвращается по почтѣ, даже при условіи присылки марокъ.)

Редакція не принимаетъ на себя обязательства давать письменные отвѣты на запросы случайныхъ сотрудниковъ. Рукописи, не востребованныя въ теченіе 3-хъ мѣс., уничтожаются.)

А. Петроградъ.

Иль Дымоходову. — „Лиза закинула затылокъ за спину и шаловливо разсмѣялась“.

Неизвѣстно, чего больше въ вашей Лизѣ: жизнерадости или акробатической ловкости?

Закиньте затылокъ за спину, положите ноги на плечи и останьтесь въ такомъ видѣ, какъ можно, спокойнѣе.

Писать не надо.

Невск., 114. — И. К. Р. — „Не бойтесь сказать, что плохо — я даже бровью не моргну“.

Отчего же?! Моргайте. Можетъ быть, это васъ облегчитъ. Расскажь слабь.

Б. Провинція.

Ярославль. — „Сеничка“.

„Смѣшно нашъ созданъ шаръ земной,
Мы всѣ по немъ ногами ходимъ,
И хоть до неба высоко,
Все жъ пальцемъ въ небо попадаемъ.“

Сеничка! Всевышній вложилъ въ вашу руку безпощадный сатирический бичъ. Но, ради Бога, будьте, Сеничка, осторожнѣе и, размахивая этимъ бичемъ, не попадайте по своей головѣ.

А то чувствуется, что это такъ.

Въ простр. Курепину. — Человѣческое остроуміе, — то же самое, что и шило въ мѣшкѣ — если оно есть, его не утаишь.

Развѣ это плохо:

— Почему нѣкоторые люди называются столбовыми дворянами?

— Потому что у нихъ, кромѣ позвоночнаго столба, никакого имущества (?) нѣтъ“.

Такая это милая острота, что автора хочется одобрительно потрепать по плечу.

Стуломъ, что ли, или другимъ чѣмъ-нибудь подходящимъ.

Ave.

Редакторъ А. Т. Аверченко.
Издатель Т-во „Н. Сатириконъ“.

3-й годъ изданія.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

3-й годъ изданія.

3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“

3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) 6 руб. Съ пересылкой и доставкой 6 руб. 50 к., на полгода 3 руб. 25 к., на 3 мѣс. 1 руб. 75 коп., на 1 мѣс. 60 коп.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій, 88. Телефонъ № 59-07.

Гдѣ бываютъ артисты и писатели ?
за завтракомъ, обѣдомъ и
ужиномъ

ВЪ РЕСТОРАНѢ
И. С. СОКОЛОВА.
Ул. Гоголя, 13. Тел. 477-35, 29-65 и 182-22.

Комфортабельные
кабинеты.
Ресторанъ открытъ до 2 час. ночи.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Телефонъ 59-07.

Выписывающіе со склада издательства за пересылку не платятъ. Суммы до 10 руб. можно высылать марками почтовыми и гербовыми.

Вышло въ свѣтъ и поступило въ продажу

16-ое изданіе книги:

Аркадій Аверченко.

Кружы по водѣ.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

Печатаются и въ скоромъ времени выйдутъ въ свѣтъ книги:

Тэффи.

И стало такъ.

и

Карусель.

Цѣна каждой книги 1 руб. 25 коп.

Вышло въ свѣтъ и поступило въ продажу

7-е изданіе книги:

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО.

„О хорошихъ въ сущности людяхъ“.

Книга новыхъ разсказовъ.

Въ обложкѣ работы художника РЕ-МИ.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

ВЫШЛО ВЪ СВѢТЪ И ПОСТУ-
ПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ

6-ое изданіе книги:

ТЭФФИ.

ДЫМЪ безъ ОГНЯ.

Цѣна 1 р. 25 к.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ И ПОСТУПИЛА
ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

Аркадій Аверченко.

Волчьи ямы.

Цѣна 50 коп.

Вышло изъ печати 6-ое изданіе новой книги:

„Теплая компанія“ (съ кѣмъ мы воюемъ.)

Текстъ — Арк. Аверченко, Вл. Азова, А. Бухова, О. Л. Д'Ора, Тэффи.

Изданіе богато иллюстрировано — Цѣна 1 руб. 25 коп.

ОСТРОУМНЫЙ ВЫХОДЪ.

- Сначала я хотѣла привить оспу на рукѣ, но жаль было портить руку... Потомъ рѣшила на ногѣ — жаль было портить ногу.
- Какъ же ты вышла изъ этого положенія?
- Рѣшила приеить оспу на рукѣ... у своей горничной...